

E. P. Ольховский

Владимир Иванович Да́ль

Имя Владимира Ивановича Даля широко известно как в России, так и далеко за ее пределами. Но только как знатока и толкователя русского языка. Гораздо менее известно, что он был поэтом, писателем, сказочником. А о Даля — кадете и морском офицере, талантливом хирурге и гомеопате, строителе наплавных мостов, доверенном лице Министра внутренних дел и соразработчике плана освобождения крестьян по желанию императора Николая I, участнике военного Хивинского похода и управляющем Нижегородской казенной палатой знают очень немногие.

Владимир Иванович Да́ль родился 10 ноября 1801 г. в Луганском заводе на Украине в многодетной семье. Отец его — обрусевший датчанин, врач,¹ мать — обрусевшая полунемка, полуфранцуженка. Но истинной родиной Владимира Даля всегда была Россия. С 13 лет он воспитывался в Петербурге в Морском кадетском корпусе, хлебнул с избытком всех его «прелестей» — издевательств офицеров над детьми. В памяти писателя остались «одни розги», хотя самого «Даля-первого» (с ним вместе учился и младший брат Карл) за 5 лет ни разу не секли. Он получил обширные знания по морскому делу, а летом 1817 г. в числе 12 гардемаринов на бриге «Феникс»² совершил путешествие в Данию (вместе с друзьями, будущим декабристом

Д. И. Завалишиным и адмиралом П. С. Нахимовым),³ где раз и навсегда понял, что он — русский. Он часто говорил и действовал нарочито по-русски. Не только ударился в славянофильство, но порою доходил до крайностей и явных перехлестов. Прожив всю жизнь протестантом, он не-задолго до смерти принял православие. К сожалению, ему принадлежала фальшивая книжонка «Разыскание об убийстве евреями христианских младенцев и употреблении крови их» (1844). Она была так скандальна, что издана всего в 10 экземплярах! Впрочем, для нужд антисемитов и погромщиков в XX в. в связи с так называемым «делом Бейлиса» появилось ее второе, теперь уже массовое издание: «В. И. Даль. Записка о ритуальных убийствах» (СПб., 1914).

Однако не это определяло, конечно, отношение В. И. Дalia к России. Он любил ее преданно и нежно, искренне и бескорыстно. В. Г. Белинский считал, что Даль любит Россию «...в корню, в самом стержне, в основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком. Как хорошо он знает его натуру! Он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком». А Н. В. Гоголь сказал о Дале: «Каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни».

В марте 1819 г. В. И. Даль был выпущен из Морского корпуса в Петербурге и двинулся к месту службы — в Николаев — через Москву, а по дороге недалеко от Новгорода впервые начал собирать материалы для своего будущего словаря. На Черном море Даль служил на фрегате «Флора», бриге «Мингрелия», безымянной брандвахте,⁴ участвовал в учениях и маневрах,⁵ нес повседневную службу.

С 1818 г. В. И. Даль начал «сочинять» (первая поэма в белых стихах «Вадим»⁶), потом написал комедии, пародии, стихи. За «пасквили» на любовницу командующего Черноморским флотом адмирала А. С. Грейга В. И. Даль был арестован в сентябре 1823 г. и до 12 апреля 1824 г. находился под арестом⁷ и присужден к разжалованию в матросы на шесть месяцев. Но по жалобе Дalia Морской

В. И. Даля. 1831 г.

Аудиторский департамент 12 апреля 1823 г. отменил разжалование. Даля выпустили из-под ареста, даже присвоили ему очередное воинское звание лейтенанта, но перевели служить на Балтику. Он запросился в отставку, ибо всегда с трудом переносил морскую качку, но до поры до времени

должен был служить и зарабатывать деньги, содержать семью, т. к. в 1821 г. умер его отец. Попытки устроиться в Кронштадте или Петербурге по инженерной части либо в артиллерию не удались. С тех пор в его незавершенном романе о Петербурге, в стихах и повестях появляются пресловутые «оны» или «вы», олицетворяющие начальство, богатых. Идя по стопам отца, В. И. Да́ль занимается не только писанием, сочинительством, филологией, языком, но и медициной.

С 26 января 1826 г. он — студент-медик в Императорском Дерптском университете. Он очень нуждался и первые два года жил впроголодь. Имел серьезные учебные успехи, настойчиво, скрупулезно и глубоко изучал медицину, стал выдающимся хирургом и на всю жизнь близко сошелся с Н. И. Пироговым. В 1827 г. в военно-литературном журнале «Славянин» своего приятеля А. Ф. Воейкова Да́ль опубликовал первые два стихотворения. Его литературными псевдонимами стали: «Казак Луганский», «В. Луганский», «Владимир Луганский». В альбомах тех лет широко представлены его стихи рядом с творениями его друзей: В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, А. С. Пушкина.⁸ Но, конечно, сегодня, более чем через полтора века, отчетливо видно их и идейное, и техническое несовершенство.

В 1829 г. В. И. Да́ль в числе других старшекурсников был досрочно строго проэкзаменован, выпущен врачом и вскоре отправлен в действующую армию на русско-турецкий фронт. 18 марта 1829 г. он стал армейским лекарем. Его направили за Дунай под крепость Селистрию, куда он прибыл 21 мая после двухмесячного путешествия. В первых же боях он, по воспоминаниям, «резал, перевязывал, вынимал пули». При отступлении от Сливно пропал верблюд, на котором среди другого багажа был тюк с далевскими лексикографическими тетрадями-записками. Искали верблюда всем миром. Через одиннадцать дней русские казаки отбили у турок злополучного верблюда, а с ним и бесценные тетради Даля.

В эпидемию чумы В. И. Да́ль не заболел, хотя лечил многих зараженных. Но почти месяц его трепала жесто-

чайшая лихорадка. Едва оправившись от болезни и отвоевав за Дунаем, он попал в полковой лазарет 3-го пехотного корпуса генерала Ридигера, участвовал в боях с восставшими поляками. Двигаться через Вислу было нельзя из-за взорванного моста. Корпус оказался в ловушке. Даль разместил свой лазарет в разваленном заводике, а на складе нашел много пустых бочек, лодок, плотов. Ему пришло в голову соорудить наплавной понтонный мост. Ридигер, не имея инженеров, поручил дело Далю.⁹ Войска Ридигера переправились через Вислу. Затем подошли поляки и тоже втянулись на мост. Тогда Даль на глазах у врагов перерубил топором канаты, мост разъехался, утопив авангард польских повстанцев. Смельчак бросился в воду и под градом пуль сумел уплыть к своим.

За этот подвиг В. И. Даль был удостоен своим военно-медицинским начальником баронетом Вилье... строгого выговора за то, что оставил пост при лазарете и на короткое время покинул раненых. Совсем по-иному взглянул на дело генерал-адъютант Паскевич, отметивший мужество, находчивость и инициативу Даля в его формуляре. Он успел благополучно выполнить опасный приказ начальника, «...несмотря на то, что был окружен неприятелем, вступившим уже на самый мост, и сим самым спас гарнизон мостового укрепления, равно артиллерию и вагенбург от неминуемой гибели...».¹⁰ Доложили императору. Николай отвел недоброжелательную и узковедомственную аргументацию Вилье. Он наградил военного врача Даля Владимирским крестом с бантом — весьма серьезной наградой. О строгом выговоре больше не было и речи.

И все-таки ни плавать по морям на военных кораблях, ни управлять военными лазаретами В. И. Далю больше не хотелось. Он снова настойчиво запросился в отставку. Сначала его направили в столицу. «Определен ординатором С.-Петербургского военного госпиталя 1832 года, марта 21 дня». В огромных палатах он с первых же дней оперировал с утра до вечера. Солдаты здесь голодали, лекарств и бинтов не было. Хирургом Даль был блестящим, резал умело, двумя руками, развив левую до уровня правой.

Однако вскоре невзлюбивший В. И. Даля главный доктор Флорио выжил Даля из военного госпиталя. Тот снова попросил об отставке. К тому же Даляр продолжал «сочинительствовать». В 1832 г. вышли в свет его «Русские сказки». Он хотел снова уехать в Дерпт, где ему, медику, предлагали занять кафедру русского языка и словесности. Но снова не повезло. Только-только Министр народного просвещения К. А. Ливен дал на это свое согласие, как вокруг Даля разразился политический скандал. Известный доносчик от литературы Ф. В. Булгарин расхвалил «Русские сказки» Казака Луганского, но вскоре узрел в них «крамолу». Он поспешил к начальнику III Отделения с.е.и.в.к. А. Н. Мордвинову. Тот донес 7 октября 1832 г. всесильному шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу: «Книжка напечатана самым простым слогом, приспособленным для низших классов, для купцов, солдат и прислуги. В ней содержатся насмешки над правительством, жалоба на горестное положение солдат и пр. Я принял смелость поднести Его Величеству, который приказал арестовать сочинителя и взять его бумаги для расследования. Я теперь занимаюсь этими бумагами».¹¹

8 октября 1832 г. В. И. Даля арестовали во время обхода больных, отвезли к Мордвинову. Тот кричал, оскорбляя Даля, нецензурно ругался, приказал немедленно отправить врача под арест. У книгопродавцев изъяли все непроданные экземпляры «Русских сказок». Но, очевидно, Паскевич, Ридигер и Ливен напомнили императору о боевых заслугах Даля. И Николай I распорядился арестованного освободить, а «за труды, понесенные в минувшую Польскую с мятежниками войну, Всемилостиво пожаловать бриллиантовым перстнем с аметистом».¹² Словом, Даляр был помилован за военные заслуги.

Но его цензурные неприятности продолжались много лет. О Даля как об авторе, печатающемся в журналах, «которые подверглись замечаниям правительства», в конце 1839 г. сообщает специальный «список». Упоминание о Даля имеется в документах цензуры с требованием сообщить сведения о нем. В 1848 г. цензурный начальник Д. П. Бутурлин приказал Главному управлению цензуры

сделать строгое замечание цензору, пропустившему один из рассказов Даля.¹³

К тому же он поссорился с влиятельной немецкой петербургской медицинской общиной. В то время шла острая дискуссия между обычными медиками (алопатами) и гомеопатами. Модный хирург, прежде всего окулист, Даль сначала выступил с лекциями, имевшими большой успех, против гомеопатов. В поисках аргументов он стал всерьез читать труды сторонников малых доз в лекарственных препаратах, заразился их идеями, навлек гнев своих недавних друзей.

В тот же период жизни в Петербурге В. И. Даль стал не просто известным писателем, но и приобрел широкие литературные связи. Среди его друзей — В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский,¹⁴ Н. А. Полевой,¹⁵ П. А. Плетнев. В 1832 г. он познакомился и подружился с А. С. Пушкиным.

Но ему уже шел четвертый десяток. Надо было всерьез думать о жизни. И Даль принимает предложение назначенного Оренбургским генерал-губернатором В. А. Перовского уехать в Оренбург чиновником особых поручений при губернаторе. Владимир Иванович сразу женился на Юлии Андре. В Оренбурге он прожил 8 лет: с 1833 по 1840 г. Скакал по бескрайним степям вдоль реки Урал. Выполнял самые различные задания своего начальника, умного, образованного и храброго человека. В 1833—1840 гг. участвовал в печально знаменитом Хивинском походе, снова проявил завидное мужество. Строил понтонный мост через Урал для пешеходов. Даль очень много писал и печатался. Известна его книга «Были и небылицы Казака Луганского». Конечно же, он собирал материалы для своего словаря. В 1838 г. был избран как ученый-медик членом-корреспондентом Петербургской Академии наук за создание ценных коллекций по флоре и фауне Оренбургского края. Им был открыт музей местных естественных произведений. В Академии Даль сперва был причислен к естественному отделению, но позже стал академиком за свои литературные труды. В 1868 г. его избрали почетным членом Академии за создание и издание

словаря русского языка. По предложению М. П. Погодина Далю освободили недостающее место по жребию среди академиков, один из которых для этого добровольно вышел в отставку. Кстати, мало кому известно, что наряду с общим словарем Даль собирал материалы и составлял ряд других словарей: оfenского языка, русско-оfenский, языка Владимирских ходебщиков и др.¹⁶

В Оренбурге Даль жил счастливой семейной жизнью. 11 июля 1834 г. у него родился сын Лев. Дали широко принимали друзей, энергично переписывались с приятелями в Петербурге и Москве, часто улаживая свои литературные дела.¹⁷

В сентябре 1833 г. в Оренбург приехал Пушкин, и В. И. Даль помогал ему собирать материалы для «Истории Пугачевского бунта».

Вообще тема «Пушкин и Даль» особая. Пушкин подарил Далю идею оформить свои огромные лексикографические материалы в виде словаря русского языка, сюжет сказки «О Георгии Храбром и о волке» («Библиотека для чтения», 1836 г.). Впоследствии сам Даль сделал об этом соответствующую надпись в примечании: «Сказка эта рассказана мне А. С. Пушкиным, когда он был в Оренбурге и мы вместе поехали в Бердскую станицу, место пребывания Пугача во время осады Оренбурга». Зато другой сюжет — «Сказки о рыбаке и рыбке» — Даль, видимо, подсказал Пушкину. Во всяком случае Даль получил ее драгоценную рукопись с такой надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин».

А в 1835 г. В. И. Даль написал хотя и неблестящее стихотворение «Александру Сергеевичу Пушкину», сохранившееся в фонде Одоевского.¹⁸ В архиве Пушкина имеется также послание Даля 16 августа 1836 г. — «Братьям и сподвижникам», статья для пушкинского «Современника» — «Во всеуслышанье». В этой статье Даль, активно вмешавшись в литературную борьбу середины 30-х гг. XIX в., решительно встал на сторону Пушкина против его недоброжелателей.

В. И. Даль нередко наезжал в столицу, часто читал свои сказки, а то и чудесно рассказывал были-небылицы.

27 января 1837 г. к нему в Петербурге заехал Пушкин. Оказалось, отсюда поехал на дуэль, был смертельно ранен. Даль узнал об этой беде 28 января. Он бросился в дом Пушкина на Мойке, в числе немногих был все время при умиравшем поэте, как друг и врач всегда ободрял его. Одна из современниц — Софья Карамзина — назовет Даля вместе с Жуковским и Данзасом последними тремя «ангелами-хранителями», которые окружали смертный одр Пушкина. Впоследствии Даль напишет воспоминания об этих днях, которые прочно войдут в литературу о Пушкине, в научную Пушкиниану.¹⁹

После 1837 г. В. И. Даль прослужил в Оренбурге еще более трех лет. Он потерял здесь жену, остался с детьми вдовцом. В 1841 г. он с семейством перебрался в Петербург. Конечно, получив прочное место службы и приличное жалование. Он становится чиновником для исполнения «особо возложенных на него поручений», управляющим Особеною канцеляриею в Министерстве внутренних дел, главным советчиком и доверенным лицом Министра Л. А. Перовского, брата Оренбургского генерал-губернатора. В Министерстве Даль получал ордена и награды. Семья жила в казенной квартире при Министерстве, на четвертом этаже, двумя этажами выше самого Министра.

И все-таки в 40-х гг. В. И. Даль был все еще в целом оппозиционен, либерально настроен, входя в середине десятилетия в либеральный кружок братьев Н. А. и В. А. Милютиных, К. Д. Кавелина, в «петербургскую партию прогресса» — группу литераторов, общественных деятелей и «красных либералов», высокопоставленных чиновников различных ведомств, стремившихся к отмене крепостного права, к многообразным реформам и существенным преобразованиям. Сам Даль на видном чиновниччьем посту много сделал для препорученных его вниманию больниц, гимназий и некоторых других учебных заведений. Недаром через 30 лет столичная либеральная газета «Голос» писала: «Петербург должен быть особенно благодарен Далю, который так много сделал для больниц и учебных заведений столицы».

Как теперь установлено, В. И. Да́ль выхлопотал через Л. А. Перовского значительное облегчение участия Т. Г. Шевченко, хотя это грозило прибавить Да́лю много крупных неприятностей с III Отделением с.е.и.в.к., давно не любившим его. Словом, в 40-х гг. Да́ль общественного темперамента не утратил. Что касается главного дела жизни — собирания необъятного материала для словаря русского языка, — то оно осталось для В. И. Даля неизменным. Он день за днем, в любое время года и в любом месте, записывал местные говоры, наречия и речения, характерные выражения, искал меткие слова и расшифровывал их, собирая, впрочем, и народные сказки, легенды, были, сказания, песни и другой фольклорный материал.

В 1846 г. «Казак Луганский» издал «Повести, сказки и рассказы», «Народные русские легенды», исследование «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» и др. Вообще Да́ль никогда не работал так плодотворно, как в начале и середине 40-х гг. Часто печатался в «Современнике», «Москвитянине», «Отечественных записках», да и, пожалуй, во всех широко и мало известных русских журналах. Слава его распространилась и за границей. Недаром среди особо хранившихся в Лейпцигской библиотеке «Письмах русских писателей» имеется и копия письма В. И. Даля в Дерпт профессору Рунге о далевском рассказе «Башкиры».²⁰ Творчество Даля было широко и разнообразно. Он примкнул к так называемой «натуральной школе», т. е. к реализму. Сила его сочинений — не в замысловатом или остром сюжете, не в тонкой прорисовке характеров героев, а в тончайших деталях обстановки, быта и нравов, в прекрасном, сочном, красочном и неподражаемом русском языке. Вот что писал о Да́ле И. С. Тургенев, сначала принятый на службу в Особенную канцелярию, а затем за недисциплинированность и нерадение к делам изгнанный со службы все тем же Да́лем: «Замечательный и самобытный талант, обладавший единством и скругленностью, писатель, действительно народный, т. е. проникнутый сущностью народа, его языком, его бытом... Нужно сочувствие к народу, родственное к нему расположение, наивная, добродушная наблюдательность: в этом отноше-

нии никто не может сравниться с Далем. Русскому человеку больно от него досталось, но русский человек любит его, потому что и Даль любит его, потому что он любит русского человека. Слог у Даля чисто русский, немного мешковатый, немного небрежный, но меткий, живой и ладный... Он не поднимается на ходули, но в его рассказах то и дело попадаются вещицы, от которых так и хочется подпрыгнуть! Далю не всегда удаются его большие повести: связать и распутать узел, представить игру страстей, развить последовательно целый характер — не его это дело, по крайней мере он тут не из первых мастеров, но где автор пишет с натуры, вы не можете не прийти в упоение...»

О творчестве В. И. Даля очень лестно отзывались А. И. Герцен, В. Г. Белинский, особенно о его «Петербургском дворнике», помещенном в альманахе Н. А. Некрасова «Физиология Петербурга» (1845), А. М. Горький. Однако многие его не принимали всерьез, например, известный историк В. И. Семевский и др.

Служебная деятельность В. И. Даля в 40-х гг. отмечена его попытками содействовать великому делу освобождения крестьян от крепостной зависимости. Толчком, очевидно, послужили мысли самого императора Николая I. После того как он в конце 30-х гг. был вынужден под давлением страха перед дворянами-помещиками отказаться от мыслей и планов П. Д. Киселева освободить всех крестьян и пойти на освобождение только четверти их — крестьян государственных, — самодержец Николай I не мог не думать о будущем России. Даже «око государево», А. Х. Бенкендорф, секретно доносил, что крепостное право — пороховая бочка под зданием российской государственности, готовая в любую минуту взорваться. И тогда о планах отмены крепостного права, о времени и порядке этого предстоявшего величайшего преобразования России Николай I заговорил, видимо, не только с П. Д. Киселевым, но и с Л. А. Перовским. Записки, доклады и соображения Перовского на эту тему (разработка их была поручена Особенной канцелярии Министерства внутренних дел под руководством В. И. Даля), сопоставление их с планом Киселева,

влияние на последующие проекты Я. И. Ростовцева и Н. А. Миллютина в конце 50—начале 60-х гг. XIX в. остались не изученными историками и до сих пор. Принято считать, что Перовский, человек умный, желчный и сложный, получил задание от императора как вельможа, «известный независимостью своих взглядов», «в молодости член подпольных декабристских организаций», «противник крепостного права». Однако все эти выражения в применении к Л. А. Перовскому в 20-е гг. XIX в. еще предстоит доказать. А уж про 40-е гг. и говорить не приходится. От него ли в действительности исходили будущие предложения Министерства внутренних дел?

На самом деле составленные за его подписью документы отличались умеренностью, трезвым учетом возможностей, сложного положения императора и его министров. Отчеты Министерства внутренних дел, составленные В. И. Далем, полны примеров крестьянских бунтов. Встречаем здесь и такие слова: «Крестьяне ищут возможности избавиться от крепостной зависимости». Это было, конечно, правдой. Но надо было бы добавить: «и получить землю». Однако этого в проектах не было.

В недрах Особенной канцелярии над составлением итоговой записки Перовского императору трудились многие чиновники. А ядром был «кружок трех»: В. И. Да́ль, И. С. Тургенев, А. В. Головнин, будущий секретарь Великого Князя Константина Николаевича и либеральный Министр народного просвещения у императора Александра II в пору Великих реформ. При этом еще в конце 1842 г. «кандидат философии» Иван Тургенев подготовил свою записку «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине». Тургенев считал, что вопрос о значении земледельческого класса тесно сопряжен с вопросом о будущности России вообще. Поэтому: «Все русские с надеждой и уверенностью взирают на распоряжения правительства и убеждены, что переход от прежнего патриархального состояния русских крестьян и русского хозяйства к новому, более прочному и стройному, совершится благополучно». Никаких выводов, тем более решительных, о порядке немедленной отмены крепостного права Тургенев

не делал. С этой запиской он и пришел служить к Далю в Особенную канцелярию. Здесь сплав мыслей «кружка трех» вылился уже в записку «Об уничтожении крепостного состояния в России». В ней речь шла о постепенном и как можно менее болезненном для помещиков процессе отпуска крестьян на волю. И только по инициативе, под контролем и при регулировании этого освобождения властью Верховной. «Освобождение крестьян крайне желательно», — писал Перовский, вернее Даль, что он потом и повторял уже от своего имени в 1860-х гг.²¹ Но во всем нужна мера и постепенность. Поэтому «Записка» Перовского (Даля, Тургенева и Головнина) предлагала меры для ограничения «приходи владельцев», т. е. дворян-помещиков, крепостников, но и полагала еще более опасной «вольность» других — крестьян.²² Они и заметить не должны, когда власти их сами освободят.

Записка Л. А. Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России» была в 1845 г. подана Николаю I. На самом верху бюрократической машины России родился Секретный комитет для рассмотрения «Записки». Но бюрократическая телега российского самодержавия скрипела неспешно. А когда в 1848 г. в Европе разразилась революция, в России наступило «мрачное семилетие» (1848–1855 гг.). Тогда вопрос об отмене крепостного права вообще был отложен.

В. И. Даль жил в Петербурге как бы в нескольких измерениях.²³ Он вторично женился на Екатерине Львовне Соколовой, семьяширилась, рождались дети. За стол, писал Даль, садится 11 душ, а жалованье получал он один. Даль очень много писал и печатал, денно и нощно собирая материалы для своего будущего словаря русского языка, служил. «Как ни тяжела и скучна жизнь петербургская, но до времени надо терпеть в надежде найти под старость покой», — с грустью признался он однажды.²⁴

В салоне Даля в один из четвергов и родилась идея создать Императорское Русское географическое общество. Прошение царю подали 17 человек, среди них и Даль. Научные цели общества, открытого в 1845 г., выразились в программах собирания сведений по сейсмологии, геологии,

этнографии, топографии, картографии. Видное место в деятельности этого общества заняли географические путешествия, экономика, статистика и лексикография. Недаром одним из его учредителей был Владимир Иванович Да́ль.

Еще раньше через Министерство внутренних дел Да́ль развернул работу по сбору «местных слов» по всей Российской империи. Теперь словами и выражениями занималось и Географическое общество. Количество сундуков, ящиков, папок с записями для словаря в квартире Даля росло неимоверно. В Особенной канцелярии чиновники разбирали и переписывали набело пришедшие материалы на длинные ленты бумаги — «полосы», раскладывали в коробки по губерниям. «Самый воздух в канцелярии был насыщен русской филологией...» — вспоминал современник В. М. Лазаревский. Сам Да́ль отмечал, что не пропустил ни дня, чтобы не записать речь, слово, оборот «на пополнение своих запасов». Уже в 40-е гг. он собирал материалы для словаря «Условного языка петербургских мошенников, известного под именем музыки или байкового языка».²⁵

В. И. Да́ль успевал еще, кроме всего этого, активно участвовать в работе петербургского пироговского врачебного кружка, московского общества любителей русской словесности. Он стал известным человеком. О нем без конца говорили и писали. В архивах сохранились многочисленные следы этого.²⁶ Теперь Да́ль — большой чиновничий начальник, статский советник, высоко стоит в бюрократическом мире, пользуется уважением и авторитетом. Его старинный друг и впоследствии биограф акад. Я. К. Грот считал, что имя Даля стало в то время одним из самых популярных в России.²⁷ И не в последнюю очередь потому, что Да́ль смолоду обладал талантом забавно рассказывать с непередаваемой мимикой анекдоты, смешные прибаутки, подражая местным говорам, пересыпая свои рассказы пословицами, поговорками, шутками, материалами из фольклора.

Однако у этого известного человека, видного чиновника Министерства внутренних дел в течение всех 40-х гг. не прекращались недоразумения с цензурой. Запретили его

рассказ «Находчивое поколение» за едкую сатиру на современную ему Россию. 12 декабря 1842 г. тот самый цензор, который вырезал этот рассказ из журнала, записал в своем дневнике: «Комитет остановил не только новое издание Гоголя, но и напечатанный уже также роман Даля „Вакх Сидоров Чайкин“». Гоголь и Даль пишут повести, а первый и комедии, в которых нападают на современные гадости».²⁸ В 1848 г. внимание цензоров привлек конец рассказа Даля «Ворожейка»: «На деревне сделалась тревога. Власти, как всегда, бездействовали». За эту «неуместную остроту» пострадал пропустивший ее цензор, строгое замечание утвердил сам Николай I, которому, кстати, сообщили, что Даль вселяет в публику недоверие к начальству. Царь приказал объявить Далю замечание и выговор. Тем более что он «служит». Теперь Далю, по существу, запретили писать и печататься. Недаром либеральный и честный профессор Петербургского университета и тоже цензор А. В. Никитенко с возмущением записал в своем дневнике за декабрь 1848 г.: «Далю запрещено писать. Как? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и он попал в коммунисты и социалисты?.. Бутурлин отнесся к Министру внутренних дел с запросом, не тот ли это самый Даль, который служит у него в Министерстве?..»

Даля вызвал Л. А. Перовский и строго спросил, не отпала ли у него наконец охота что-то писать, кроме бумаг по службе. Выбирай: писать — так не служить, служить — так не писать. Тогда Даль, обремененный очень большой семьей, многие свои архивы сжег, отказался от дальнейшего сотрудничества в некоторых журналах. Его перевели служить в Министерстводелов чиновником особых поручений.

Снова над В. И. Далем в Петербурге нависли грозовые тучи. И он стал просить Перовского о переводе в провинцию. 7 июня 1849 г. он был назначен управляющим удельной конторой в Нижнем Новгороде. Здесь он прожил 10 лет. Служил добросовестно, обустраивая быт удельных крестьян, собирая батальоны народного ополчения на Крымскую войну. Больше всего Даль мучался с бумагами

и с грустью и безнадежностью сообщал: «По бумажной части у меня беспорядки точно такие, как у других, может быть, и более, по ненависти моей к этому занятию, поколику оно составляет прямую цель службы и трудов, а между тем ревизия наездом не даст средств вникнуть в сущность управления. Хорошо, если б можно было спросить тридцать семь тысяч крестьян; этому суду я бы с радостью подчинился».²⁹ Да́ль по-прежнему очень много думал, писал и больше всего собирали материалы для своего словаря.

Но в 1856 г., когда в Министерство государственных имуществ пришел М. Н. Муравьев, а нижегородским губернатором стал его брат, А. Н. Муравьев, В. И. Да́ль вступил с ними в конфликт по идейным соображениям. В 1859 г. он уволился со службы и подал в отставку. Он с семьей поселился в Москве. Много работал. В 1862 г. были изданы его «Пословицы русского народа», в 50-е гг. запрещенные самим грозным цензором — Николаем I. Теперь их выпустило в свет «Императорское общество любителей истории и древностей российских при Московском университете».

И хотя работа над словарем была еще очень далека от завершения, «Общество любителей истории и древностей российских» попросило все-таки 25 февраля 1860 г. В. И. Даля сделать доклад о словаре. Да́ль честно сказал, что ему под 60 лет, нужны еще лет восемь-девять работы и немалые средства на издание. А денег у него лично никаких нет, многолетней службой не заработал.

«— Во что обойдется издание готовой половины словаря? — спросил А. И. Кошелев, редактор „Русской беседы“, журнала, в котором Да́ль уже печатался.

— Без трех тысяч рублей нельзя приступать к изданию».

Тогда требуемая сумма была немедленно положена на стол. Однако ее хватило именно на половину труда Даля. В 1863 г. вышла вся эта первая половина «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Это был гимн России, русскому народу, русскому языку. Так это принимал и сам Да́ль. Его словарь потряс Россию. В нем было 59 тысяч слов и выражений.³⁰ И в

1866 г. деньги для трех последних томов словаря тоже нашлись: пожаловал их из личных средств император Александр II по докладу друга Даля Министра народного просвещения А. В. Головнина. А в 1870 г. Академия наук в Петербурге присудила своему почетному члену Даю за «Толковый словарь» высшую награду — Ломоносовскую премию, Императорское географическое общество — свою высшую награду — Константиновскую медаль, Дерптский университет — премию, «Общество любителей русской словесности» в Москве — звание почетного члена.

Даль тем временем стал тут же готовить второе исправленное и существенно дополненное издание словаря. Но не успел довести эту работу до конца. 22 сентября 1872 г. он умер в Москве. Его труд по указаниям автора для второго издания словаря закончили научный редактор двух первых изданий Я. К. Гrot и ученики Даля. Впоследствии с научным наследием В. И. Даля работал петербургский профессор лингвист-теоретик И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Собранные В. И. Далем сказки он отдал А. Н. Афанасьеву, песни — П. В. Киреевскому, лубочные картины — в петербургскую Публичную библиотеку Д. А. Ровинскому.

Хотя В. И. Даль был скромнейшим человеком («Я не знал человека скромнее и нечестолюбивее Даля», — писал о нем его ученик и биограф П. И. Мельников (А. Печерский), но незадолго до смерти уступил настойчивым просьбам известного мецената П. М. Гретьякова и согласился позировать для портрета В. Г. Перову.

На могиле Владимира Ивановича Даля в Москве на Ваганьковском кладбище его сын Л. В. Даль поставил скромный памятник — простой крест из черного гранита.

Памятником В. И. Даю в науке стали восемь (!) изданий его словаря. Исправленных, дополненных, но «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля.

¹ РГАЛИ, ф. 179, оп. 1, д. 33, л. 1.

² См. его описание: ОР РГБ, ф. 473, карт. 1, д. 1.

- ³ См. там же.
- ⁴ РГА ВМФ, ф. 33, оп. 1, д. 1907.
- ⁵ ОР РГБ, ф. 473, карт. 1, д. 1.
- ⁶ РО ИРЛИ, ф. В. И. Даля, № 27411 / СХСУ1. Б. 10.
- ⁷ РГАЛИ, ф. 179, оп. 1, д. 15; РГА ВМФ, ф. 33, оп. 1, д. 1907.
- ⁸ РО РНБ, ф. 281 (Л. И. Жевержеев), д. 43, л. 66об.–73об.
- ⁹ Описание такого моста на понтонах с чертежами было впоследствии напечатано Далем в особой брошюре. Хотя ее издал в Петербурге известный писатель Н. И. Греч, но это – библиографическая редкость. Затем труд Даля был переведен на французский язык и издан в Париже.
- ¹⁰ Цит. по: *Мельников П. И. (А. Печерский)*. Владимир Иванович Дауль. Критико-биографический очерк // Дауль В. И. Поли. собр. соч. Казака Луганского. СПб.; М., 1897. Т. 1. С. XXVI–XXVII.
- ¹¹ Цит. по: *Бессараб М.* Владимир Дауль. М., 1972. С. 69–70.
- ¹² Цит. по: *Порудоминский В.* Дауль. М., 1971. С. 126.
- ¹³ РО РНБ, ф. 831 (цензурные материалы), д. 6, л. 55–58; д. 4, л. 1–1об., 79–80.
- ¹⁴ См. 11 дружеских писем и заметок Даля, адресованных князю В. Ф. Одоевскому, о разных житейских и литературных делах, с предложением выбрать для редактируемого Одоевским журнала «Сельская жизнь» сочинения Даля (РО РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 2, д. 467).
- ¹⁵ В письме к нему (16 ноября 1830 г.) Дауль предлагал напечатать в журнале Полевого «Московский телеграф» одну из записанных им народных сказок в обработке Н. М. Языкова (РО РНБ, ф. 124 (П. Л. Ваксель), д. 1445, л. 1–2об.).
- ¹⁶ РО РНБ, ф. 234 (В. И. Дауль), д. 8; д. 7; д. 10.
- ¹⁷ РО РНБ, ф. 391 (А. А. Краевский), д. 318 (11 писем Даля Краевскому); д. 22 (стихотворение В. И. Луганского «Не стыдно ль Вам!» против светских людей для помещения В. Ф. Одоевским или А. А. Краевским в «Литературном прибавлении» к газете «Русский инвалид»).
- ¹⁸ РО РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), д. 1494.
- ¹⁹ См.: *Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы*. 3 изд. М.; Л., 1928.
- ²⁰ РО РНБ, ф. 865 (И. А. Шляпкин), д. 142, л. 9.
- ²¹ ГАРФ, ф. 109-и, оп. 3, д. 1973.
- ²² РГАЛИ, ф. 179, оп. 1, д. 13.
- ²³ См. 6 писем В. И. Даля С. П. Шевыреву в 1846 г. по разным делам (РО РНБ, ф. 850 (С. П. Шевырев), д. 221).
- ²⁴ РГАЛИ, ф. 198, оп. 5, д. 1, л. 1.
- ²⁵ РО РНБ, ф. 234 (В. И. Дауль), д. 9.
- ²⁶ РО РНБ, ф. (В. П. Гаевский), д. 20; д. 102; ф. 539 (В. Ф. Одоевский), д. 553; д. 871; ф. 665 (А. И. Савельев), д. 185; ф. 603 (С. Д. Полторацкий), д. 292; ф. 708 (Н. П. Собко), д. 827; ф. 1123 (Е. Н. Эдельсон) и многие другие.

²⁷ См.: *Гром Я. К. Воспоминания о В. И. Дале (с извлечением из его писем)*. СПб., 1873. С. 2.

²⁸ Цит. по: *Бессараб М. Владимир Даль*. С. 145.

²⁹ Цит. по: *Порудоминский В. Даль*. С. 337.

³⁰ Пушкинский Дом. № 16189 / Сб. 11.